

Генрих Али Баба

Том II.

ХРОНОГРАФ. Тень Хронографа

Генрих Апи Баба

Том II ХРОНОГРАФ.
Тень Хронографа

«Автор»

2026

Апи Баба Г.

Том II ХРОНОГРАФ. Тень Хронографа / Г. Апи Баба —
«Автор», 2026

Прошлое не исчезает бесследно. Прошёл двадцать один год. Англия готовится к коронации Елизаветы Тюдор, но вместе с новой королевой в историю возвращается тайна, которую Томас Элдридж считал навсегда погребённой. В руках Елизаветы оказывается загадочное кольцо — одна из деталей Хронографа. Кто-то методично собирает древний механизм заново, извлекая его части даже из могил умерших. Томасу и Элис предстоит вновь столкнуться с силами, способными изменить ход истории. Но на этот раз цена ошибки гораздо выше: тот, кто управляет Хронографом, получает возможность увидеть будущее раньше, чем оно наступит. А значит, чтобы победить врага, Томасу придётся сразиться не только с человеком, но и с самой логикой времени.

© Апи Баба Г., 2026

© Автор, 2026

Генрих Апи Баба

Том II ХРОНОГРАФ. Тень Хронографа

II

ХРОНОГРАФ. Тень Хронографа

ПРОЛОГ. Тень на диске астролябии

Январь тысяча пятьсот пятьдесят девятого года выдался скупым на милость. Лондон задыхался в тисках влажной, колючей мглы, которая не желала расходиться уже вторую неделю кряду. Ледяной ветер, пришедший с низовий Темзы, по-хозяйски гулял по кривым переулкам, швыряя клочья тумана в лица редких патрулей, и с глухим, недовольным ропотом разбивался о массивные, неприступные стены двorca Уайтхолл.

Завтра этот город взорвётся звоном колоколов и криками восторга. Завтра в Вестминстерском аббатстве на голову Елизаветы Тюдor, дочери казнённой Анны Болейн, наконец возложат корону — ту самую корону, за право носить которую было пролито слишком много крови, чтобы радость восшествия казалась беспримесной. Но сегодня, этой самой ночью, дворец спал чутко и тревожно, точно зверь перед большой охотой, не решаясь до конца сомкнуть глаза. В длинных, продуваемых сквозняками галереях пахло сырým камнем, гарью догорающих факелов и застарелым, въевшимся в самые гобелены страхом — слишком многие здесь ещё помнили, слишком отчётливо, что трон в Англии редко достаётся без кровавого омовения.

В северном крыле, в тесной келье придворного астронома, дрожало единственное на всё крыло живое пятно света.

Мастер Лоренс Фокс сидел, ссутулившись над исцарапанным дубовым столом, среди привычного беспорядка своей науки: латунных циркулей, стопок звёздных карт, исписанных мелким, торопливым почерком. Его длинные, сухие пальцы, испачканные чернилами до самых костяшек, замерли на середине вычисления. Взгляд, годами привыкший измерять бесконечность небесных сфер, сейчас был прикован к предмету куда более земному, куда более тревожному.

На потёртом зелёном сукне, среди привычных инструментов его ремесла, лежало бронзовое кольцо.

На первый, беглый взгляд оно выглядело совершенно невзрачно: потемневший от времени металл, едва заметная зеленоватая пatina, никаких видимых украшений. Фокс извлёк его три недели назад из сундука с рухлядью, конфискованной у одного из давно закрытых, разграбленных монастырей, — среди прочего хлама, который никто не потрудился толком разобрать. Но стоило ему тогда, из чистого любопытства учёного, коснуться бронзы куском сухой ветоши, как под слоем вековой грязи проступила геометрия, от которой у бывшего астронома похолодело внутри.

Он медленно повернул кольцо в свете свечи. Пламя испуганно метнулось в сторону от лёгкого сквозняка, и Фоксу на одно короткое, тревожное мгновение почудилось, будто сама бронза под его пальцами едва заметно... вздохнула.

— Невозможно, — выдохнул он одними губами. Горло пересохло так, что собственный голос показался ему чужим, скрипучим, будто давно не смазанные дверные петли.

Он пододвинул подсвечник ближе, наклонился так низко, что почти касался носом металла. На внутреннем ободке кольца, среди хаотичного нагромождения цифр и незнакомых алхимических знаков, отчётливо проступила дата. Тонкая, едва различимая гравировка, будто выжженная не резцом мастера, а самим ходом времени:

«1536»

Фокс не знал доподлинно, что именно случилось в тот далёкий год в мрачных застенках Тауэра, — эти слухи давно похоронили под толстым, надёжным слоем государственных

тайн, недоступных даже придворному астроному. Но он видел другое, куда более пугающее. Кольцо жило. Каждую следующую ночь узоры на его поверхности едва заметно смещались. Гравировка стекла, точно расплавленный свинец, вычерчивая новые, прежде не существовавшие линии — будто невидимый, кропотливый летописец безостановочно заносил на металл события текущего, ускользающего часа.

Рука Фокса против воли потянулась к чистому листу и перу. Сердце колотилось в рёбра, точно поймавшаяся в силки птица. Если это правда... если это диковинное устройство действительно способно фиксировать колебания самой ткани мироздания — тогда наука, религия, сама королевская власть, всё, во что верил его век, рассыплется в прах при первом же честном взгляде на эти письма.

Скрип.

Астроном замер, обратившись в слух, перо зависло над бумагой. В коридоре раздались шаги. Они не были крадущимися, воровскими, — напротив, тяжёлые, размеренные, уверенные в своём безусловном праве находиться здесь в любой час ночи.

Дверь отворилась без предупредительного стука, впуслав в тёплую комнату острую струю ледяного сквозняка. На пороге стоял человек. Его длинный, тёмный плащ, казалось, жадно поглощал и без того скудный свет единственной свечи, а глубокий, надвинутый низко капюшон превращал лицо в непроглядный, лишённый черт провал.

— Кто вы? — голос Фокса предательски дрогнул. Он инстинктивно, машинально накрыл кольцо всей ладонью, будто это простое движение могло его защитить.

Незнакомец аккуратно закрыл за собой дверь. Тихий щелчок замка прозвучал в напряжённой тишине не хуже пистолетного выстрела.

— Вы нашли вещь, мастер Фокс, которая не терпит случайных рук, — произнёс гость. Голос оказался низким, начисто лишённым каких-либо эмоций, пугающе, неестественно спокойным.

— Это... это научный образец. Прибор для... — начал было астроном, судорожно подбирая слова, но незнакомец уже стоял у самого стола, будто соткавшись из густых теней комнаты, минуя пространство между ними без единого различимого шага.

— Это часть машины, — тихо перебил он. — Осколок механизма, самой сути которого вы не способны осознать при всей вашей учёности.

Холод, не имевший ровным счётом никакого отношения к промозглому зимнему ветру за окном, медленно пополз вверх по спине Фокса, позвонок за позвонком.

— Какой машины?

Человек в плаще медленно, с ленивой уверенностью протянул затянутую в тонкую кожаную перчатку руку. Пальцы в неверном свете свечи на мгновение показались Фоксу настоящими когтями.

— Отдайте.

— Сперва объясните мне! Я требую...

— Вы знаете, что такое Хронограф? — тихо, почти ласково перебил незнакомец.

Фокс мгновенно, предательски побледнел. Зрачки его расширились, выдав всю правду прежде, чем он успел разомкнуть губы для очередной, заведомо неуклюжей лжи. Он всё же попытался солгать — но сделал это настолько неумело, что гость лишь едва слышно, почти сочувственно вздохнул в ответ.

— Значит, вы уже знаете слишком много, мастер Фокс.

Свеча вдруг громко треснула, на короткий миг утопив комнату в почти полной темноте. Фокс дёрнулся всем телом, отчаянно пытаясь вскочить на ноги, но возраст и липкий, парализующий страх сковали его движения надёжнее любых цепей. Лезвие узкого кинжала блеснуло лишь однажды — тонкая, стремительная полоска стали, отразившая последний, гаснущий блик огня.

Астроном не успел даже вскрикнуть. Он тяжело, безвольно осел на собственный стол, опрокинув по пути хрупкую чернильницу. Густая чёрная жидкость медленно расплзлась по бумаге, неторопливо смешиваясь с чем-то куда более густым и куда более красным.

Незнакомец спокойно, без малейшей спешки взял опустевшее кольцо со стола. Поднёс его к угасающему свету огарка. Бронза в его затянутых в перчатку пальцах вдруг провернулась сама собой, издав тихий, почти удовлетворённый щелчок — так, будто узнала старого, давно ожидаемого хозяина после долгой разлуки.

— Один найден, — едва слышно прошептал человек, ни к кому конкретно не обращаясь.

Он аккуратно спрятал кольцо в потаённых складках плаща и вышел прочь, растворившись в непроглядной темноте дворцовых коридоров так же бесшумно, как и появился.

Через час стража обнаружит остывающее тело мастера Фокса. Завтра поутру дворцовые лекари торопливо вынесут удобный, не требующий дальнейших исследований вердикт: несчастный случай, старческая немощь, неудачное падение с высокого табурета. Но ещё до полудня об этом тихом убийстве доложат человеку, который научился безошибочно видеть истину сквозь хаос задолго до того, как на его плече торжественно блеснул рыцарский меч.

Человеку, который когда-то был всего лишь скромным нотариусом с Флит-стрит, а теперь стал сэром Томасом Элдриджем. Хранителем самых тихих и самых опасных тайн королевства, подчиняющимся отныне лишь одной-единственной женщине во всей Англии.

Потому что новая королева знала совершенно точно: время — это самое опасное оружие из всех существующих. И этой холодной январской ночью оно вновь, после долгого затишья, начало свой неторопливый, безжалостный ход.

Глава I. Искусство читать между строк

Январское утро неохотно просачивалось сквозь серую хмарь, нависшую над Темзой, точно нарочно оттягивая момент, когда придётся наконец осветить город, полный собственных грязных секретов. Густой, маслянистый туман полз от речных пристаней, лип к сапогам редких прохожих холодными, липкими пальцами и тяжёлыми волнами разбивался о гранитные, неприступные челюсти Уайтхолла. Дворец застыл в обманчивом, наигранном оцепенении, но за его толстыми стенами уже вовсю, лихорадочно пульсировала жизнь: в кухонных печах ревел огонь, гвардейцы со звоном чётко меняли караул, а в бесконечных, пропахших воском галереях шептались лишь об одном — о завтрашней коронации. Елизавета, дочь казнённой Анны Болейн, готовилась наконец принять венец, и самый воздух столицы был наэлектризован тяжёлым, почти осязаемым предчувствием большой, неотвратимой перемены.

У главных ворот осадил коня одинокий всадник. Его скакун — серой, невзрачной масти, крепкий и коренастый — вовсе не лоснился сытым, отполированным боком, как избалованные придворные лошади. Это был выносливый, привыкший к тяготам зверь, созданный для долгих, изматывающих перегонов, а не для показной рыси по парадному двору.

Всадник спешил неспешно, с той осторожной, выверенной грацией, что обычно приобретают люди ближе к пятидесяти годам, давно научившиеся беречь собственные кости. Высокий, сухощавый, с безупречно прямой, негибкой осанкой. Седина уже густо серебрила виски под старой, потёртой на сгибах шляпой, но взгляд светло-серых глаз оставался пугающе, неуютно ясным. Так смотрят лишь те немногие, кто слишком долго, годами препарировал человеческую ложь, кропотливо отделяя её от скупых крупиц правды, точно доброе зерно от бесполезной, никчёмной плевелы.

Это был сэр Томас Элдридж. Когда-то — всего лишь скромный, никому не известный знаток документов из конторы у собора Святого Павла. Теперь — рыцарь короны, чьё одно лишь имя заставляло замолкать самые оживлённые придворные беседы.

Его рыцарство пахло вовсе не пороховой гарью сражений, а старыми чернилами и потемневшим от времени пергаментом. В тысяча пятьсот пятьдесят пятом году королева Мария Тюдор лично призвала его в Вестминстер из-за запутанного заговора, чьи ядовитые нити теря-

лись где-то в самых высших, недостижимых кругах знати. Эдридж отыскивал изменников там, где их никто прежде не искал, — в скучных, пыльных налоговых реестрах. Он единственный заметил: на документах, формально разделённых многими месяцами, наклон гусиного пера и точный состав чернил были подозрительно идентичны, а сами даты — искусно, мастерски состарены чужой умелой рукой. «Этот человек служит короне вовсе не мечом, а собственным разумом», — произнесла тогда Мария, опуская обнажённый клинок на его преклонённое плечо. С той самой памятной зимы его боялись при дворе куда сильнее, чем любого палача с окровавленным топором.

Передав поводья заждавшемуся конюху, Томас неторопливо стянул с озябших рук дорожные перчатки.

— Вас ждут, милорд, — пробормотал слуга, не смея поднять глаз выше начищенных сапог гостя.

Эдридж лишь коротко, почти незаметно кивнул и шагнул в холодную, гулкую пасть дворца.

Коридоры Уайтхолла встретили его знакомым холодом и надменным, почти осязаемым высокомерием. Гобелены на стенах — сцены королевской охоты, строгие лики давно почивших монархов — казались Томасу нынче лишь пустыми декорациями в чужом, давно наскучившем ему театре теней. У дверей личных покоев его остановил гвардеец с алебардой наперевес.

— Имя?

— Сэр Томас Эдридж.

Тяжёлая дубовая створка тут же послушно отворилась, будто само это имя служило универсальным ключом.

— Лорд Сесил ожидает вас, милорд.

В комнате было душно и жарко натоплено. Камин жадно пожирал сухие поленья с яростным, сердитым треском. У высокого окна, спиной к двери, стоял невысокий, чуть сутулый человек в строгом тёмном платье без единого украшения. Уильям Сесил, главный архитектор новой, ещё не рождённой Англии, — человек, сумевший пережить трёх монархов подряд благодаря редкому, почти сверхъестественному таланту: способности отчётливо слышать то, что собеседник старательно предпочитал не произносить вслух.

Сесил обернулся на скрип двери. Его острое, будто у хищной птицы, лицо на мгновение осветилось скупой, но искренней улыбкой.

— Сэр Томас. Благодарю за поспешность.

— Когда советник королевы пишет спешные письма в самую полночь, разумный человек предпочитает не дожидаться рассвета, милорд, — Эдридж снял тяжёлый дорожный плащ, чувствуя, как долгожданное тепло комнаты медленно проникает под остывший на морозе камзол.

— Вы верны себе, как всегда, — Сесил коротко указал сухой ладонью на стол, до самого края заваленный бумагами. — Боюсь, у нас появилось дело, требующее именно вашего... особого, специфического опыта.

Эдридж не шелохнулся, задержавшись у самого порога.

— Астроном Фокс?

Сесил заметно нахмурился, в его цепком взгляде на короткий миг мелькнуло невольное удивление — он вновь позабыл, с какой пугающей скоростью Томас собирает и связывает воедино дворцовые слухи.

— Да. Лоренс Фокс. Двадцать лет безупречной, верной службы короне. Сегодня утром его нашли бездыханным прямо в собственном кабинете. Горло... — Сесил на мгновение запнулся, будто самому ему было физически неприятно облекать увиденное в слова. — Стража настойчиво склоняется к версии несчастного случая. Якобы старик неудачно упал прямо на собственный разбитый прибор.

— А вы сами что думаете, милорд?

— А я думаю, что хрупкие научные приборы крайне редко наносят настолько хирургически точные, аккуратные раны, — Сесил ловко выудил из общей стопки бумаг один-единственный лист. — Взгляните-ка на это. Это последний набросок, который бедный старик успел сделать перед собственной смертью.

Томас шагнул ближе и взглянул на рисунок. На одно долгое, головокружительное мгновение весь окружающий мир для него попросту перестал существовать. Скрежет вращающихся бронзовых колец, ослепительное голубое сияние глубоко под фундаментом Белой Башни, едкий запах озона и бледное, тающее в солнечных лучах лицо покойного отца — всё это разом хлынуло в память ледяным, безжалостным потоком, будто прорвало старую, надёжную плотину. На бумаге, торопливыми, но точными штрихами, было изображено кольцо. Небольшое, покрытое до боли знакомыми, узнаваемыми символами Хронографа.

— Мастер Фокс пристально изучал эту вещь в последние недели, — тихо произнёс Сесил, не отрывая цепкого, изучающего взгляда от внезапно побледневшего лица Элдриджа. — Скажите мне, сэр Томас, как старый нотариус — старому политику, без всяких экивоков... Что это за дьяволыщина такая?

Элдридж долго, слишком долго молчал, прислушиваясь к тихому шороху осыпающегося в камине пепла. Наконец он медленно поднял голову.

— Если я не ошибаюсь, лорд Сесил, кто-то в стенах этого самого дворца решил заново собрать по осколкам механизм, который мы с огромным трудом, ценой не самой малой крови, похоронили ровно двадцать три года назад.

— Механизма? — Сесил резко подался вперёд, обеими руками опираясь на край стола.

— Хронографа, — выдохнул Элдридж одними губами, будто само это слово причиняло ему физическую боль. — Машины, способной безжалостно переписывать прошлое по собственному усмотрению.

Сесил замер, точно громом поражённый. В повисшей тишине комнаты стало отчётливо слышно, как тяжело, размеренно дышит за плотно закрытой дверью терпеливая стража.

— В таком случае, сэр Томас, — голос советника вдруг стал сухим и хрустким, точно старый, готовый рассыпаться пергамент, — Англия стоит на самом пороге игры, в которой у нас с вами попросту нет никакого права на позорный проигрыш. Потому что, если прошлое вдруг изменится уже завтра... нас с вами, здесь стоящих, в этой самой комнате, попросту больше не окажется.

Глава II. Тени Норфолка и чернила памяти

Когда сэр Томас Элдридж покинул кабинет Сесила, Уайтхолл уже окончательно сбросил с себя сонное, притворное оцепенение раннего утра. Дворец гудел, точно потревоженный неосторожной рукой улей. Пажи в расшитых золотом ливреях проносились мимо, едва не сбилая с ног чопорных, надутых придворных, чей приглушённый шёпот о завтрашней коронации сливался в единый, змеиный, вездесущий свист. Воздух в галереях сделался тяжёлым, густым, пропитанным запахом дорогого пчелиного воска, мокрой шерсти дорожных плащей и едкого каминного дыма.

Элдридж шёл неспешно, размеренно меряя шагами бесконечный, кажущийся вовсе без конца коридор. Пятнадцать лет. Целых полтора десятилетия уткло с той памятной ночи под Белой Башней, когда бронзовые кольца Хронографа с оглушительным звоном рассыпались в прах, а само время, казалось тогда, навсегда вошло в своё привычное, мирное русло. Но историча, как давно успел выучить на собственной шкуре бывший нотариус, — кредитор безжалостный, не признающий никаких отсрочек. Она неизменно возвращается за старыми долгами именно тогда, когда должник меньше всего этого ожидает.

Томас на мгновение остановился у высокого стрельчатого окна. Снаружи, за толстым, слегка искажающим стеклом, туман жадно, ненасытно облизывал каменные подоконники.

— Ты всё ещё ходишь так, словно высчитываешь про себя цену каждого пройденного дюйма, Элдридж.

Голос за спиной ударил наотмашь — знакомый, до боли узнаваемый, будто вернувшийся прямиком из давно похороненного сна. Томас замер как вкопанный. На одно короткое, оглушающее мгновение хронометр его собственного сердца дал ощутимый сбой, пропустив целый удар. Он медленно, почти боязливо обернулся.

Перед ним стояла Элис.

Время не пощадило её, но наложило свой отпечаток с какой-то особой, почти изысканной строгостью, не отняв, а лишь заострив прежние черты. Ей было теперь около сорока. Лицо чуть осунулось, в уголках плотно сжатых губ залегли новые, непривычные тени сдержанной строгости, а в тёмных волосах, туго стянутых в безупречный, аккуратный узел, уже затаились первые, едва различимые нити серебра. Но глаза — эти пронзительные, тёмные, будто бездонные колодцы — остались решительно прежними. В них по-прежнему жила та самая настороженность человека, однажды заглянувшего в настоящую бездну и с тех пор разучившегося до конца доверять даже яркому дневному свету. На ней было простое платье цвета хвои — добротное, без малейшей вычурности, одежда женщины, которая честно служит власти, но категорически отказывается становиться её украшением.

— Элис... — выдохнул он, и собственное имя, некогда такое привычное, ощутилось на языке точно полузабытый, но не до конца утраченный шифр.

— Сэр Томас, — она едва заметно, церемонно склонила голову. — Значит, слухи не лгали. Из скромного нотариуса — прямиком в рыцари.

— По воле обстоятельств, не более того. Ты, как погляжу, тоже нашла себе тихий приют под крылом короны.

— Уже восемь лет, — она подошла на несколько шагов ближе, и он тут же уловил тонкий, узнаваемый запах лаванды, смешанный с сухой пылью старых архивов.

После окончательного разрушения Хронографа их некогда общие пути разошлись резко, точно свежая трещина на весеннем льду. Элис тогда спешно бежала из Лондона, наивно надеясь навсегда оставить всех своих призраков растворёнными в холодном тумане над Темзой. В далёком, тихом Норфолке, среди сонных болот и пронзительных криков чаек, она неожиданно для самой себя нашла то, чего никогда прежде сознательно не искала, — простой, ничем не омрачённый покой. Её мужем стал Джеймс Хокинс, капитан гарнизонной стражи, человек простой, немногословный и крепкий, точно старая дубовая плаха для колки дров. Он любил её без лишних, красивых слов, и Элис исправно платила ему верностью, бережно храня страшную тайну Тауэра в самом тёмном, потаённом углу собственной души. У них родился сын, Роберт, — упрямый, своевольный мальчишка с материнскими тёмными глазами. Но в пятьдесят седьмом году внезапная лихорадка, безжалостно выкосившая целые гарнизоны, забрала Джеймса, оставив Элис молодой вдовой с маленьким ребёнком на руках.

Нужда и деятельная протекция старых знакомых со временем привели её обратно в столицу. Сесил, этот неутомимый собиратель редких, ценных талантов, быстро, безошибочно оценил её редкую способность читать между строк и безошибочно находить строгую логику в кажущемся хаосе цифр. Отныне она была его «невидимым оком» в бесконечных дворцовых архивах.

— Сесил уже показал тебе тот рисунок? — спросила Элис, заметно понизив голос.

— Да.

— Тогда ты и сам понимаешь, почему он вызвал сюда именно тебя.

— Астроном Фокс. Ты была на месте происшествия?

Элис коротко кивнула, и по её лицу быстрой тенью пробежало что-то похожее на застарелую боль.

— Я видела комнату сразу же, как оттуда вынесли тело. Это вовсе не случайное падение, Томас. Старики не падают настолько аккуратно, ровно, будто по линейке. И они уж точно не сжимают в предсмертной судороге кулака обрывки звёздных карт, если на этих картах вовсе не звёзды, а хитрые схемы временных переплетений.

Они молча двинулись дальше по коридору, в сторону притихшего северного крыла.

— Томас... — она на мгновение осторожно коснулась его рукава кончиками пальцев.

Он вопросительно приподнял бровь. Собственное имя, произнесённое ею вот так, без формального «сэра», отозвалось в груди странной, почти забытой вибрацией.

— Если это действительно то, чего мы оба так боимся... если Хронограф на самом деле не умер тогда до конца...

— Значит, мы выследим его заново, — жёстко отрезал он. — И в этот раз я не оставлю после себя даже мельчайшего осколка.

Элис остановилась перед тяжёлой дубовой дверью, за которой всё ещё отчётливо пахло недавней, ещё свежей смертью.

— Ты хоть раз пожалел, что мы разрушили его тогда, много лет назад? — тихо спросила она, не глядя ему в глаза.

— Ни единой секунды. А ты?

— Только в те редкие ночи, когда мне вдруг снится, будто я всё ещё стою на эшафоте рядом с Мором, — она горько, невесело усмехнулась одними уголками губ. — Но теперь мне есть что терять по-настоящему.

Томас внимательно посмотрел на её строгий профиль.

— Твой сын. Сколько ему сейчас?

— Тринадцать. Роберт — это всё, что у меня осталось от той, другой, нормальной жизни, которую я однажды пыталась себе построить.

— Тогда закончим это дело как можно быстрее. Ради него.

Элис решительно взялась за холодную дверную ручку и повернула её. Они вошли в опустевший кабинет Лоренса Фокса. На рабочем столе всё так же в беспорядке громоздились астрономические приборы, а давно засохшие чернильные пятна казались в скудном утреннем свете самой настоящей чёрной кровью на пергаменте. Но взгляд Элдриджа почти сразу же зацепился за дальнюю стену.

Там, среди привычных чертежей небесных сфер и орбит, висела совершенно новая, чужеродная карта. На первый, беглый взгляд — беспорядочный хаос перепутанных линий. Но Томас, натренированный годами въедливой нотариальной практики, безошибочно различал за этим хаосом строгую, продуманную структуру. Это была вовсе не карта далёких созвездий.

Это была карта ветвления самого времени. И одна-единственная нить, ярко, вызывающе перечёркнутая пугающим красным цветом, тянулась прямым к завтрашней дате.

К коронации.

Глава III. Анатомия тени

Тяжёлая дубовая дверь с сухим, окончательным щелчком отсекла позади них гул оживлённых дворцовых коридоров. В комнате покойного мастера Лоренса Фокса тут же воцарилась противоестественная, почти вакуумная тишина. Здесь всё ещё явственно витал дух прежнего хозяина: едкий аромат остывшего пчелиного воска, горьковатый дух старого, пересохшего пергаamenta и едва уловимый, липкий металлический привкус, который Элдридж, к собственному сожалению, знал слишком хорошо.

Элис замерла у окна. Мутный, серый утренний свет, с трудом пробивавшийся сквозь неровное, дешёвое стекло, делал её силуэт зыбким, почти призрачным, будто она сама наполовину принадлежала этой комнате смерти. Томас же медленно, по-звериному осторожно, обходил помещение по кругу, ступая почти бесшумно. Его взгляд, натренированный целыми десятилетиями кропотливой работы с изошрёнными фальшивками, привычно сканировал

пространство, безошибочно выхватывая из общего беспорядка те детали, что для нетерпеливой дворцовой стражи показались бы не более чем никчёмным мусором.

Книжные полки жалобно стонали под непомерным весом фолиантов: Коперник в потрёпанном переплёте, латинские переводы античных авторов, увесистые труды по прикладной механике.

— Он был одержим, — тихо произнесла Элис, по-прежнему не оборачиваясь от окна. — Жил среди сухих чисел, лишь бы поменьше замечать живых людей вокруг себя.

— Люди, которые всю жизнь измеряют вечность далёкими звёздами, редко находят подлинный покой на этой грешной, суетной земле, — негромко отозвался Элдридж.

Он остановился у дальней стены, где на длинной полосе припиленного пергамента Фокс методично вёл странную, никому не понятную летопись. Это не была привычная хронология правлений последовательных королей. Это был график непрекращающихся колебаний. Отдельные даты — тысяча пятьсот тридцать пятый, тысяча пятьсот тридцать шестой, тысяча пятьсот сорок седьмой — были обведены рваными, нервными кругами.

— Он не просто фиксировал прошлое, Элис. Он терпеливо следил за тем, как кольцо откликается на собственный, только ему одному внятный пульс.

На рабочем столе, рядом с брошенным бронзовым циркулем, лежала тетрадь в свежем, ещё не потёртом кожаном переплёте. Элис осторожно, двумя пальцами приоткрыла её. Аккуратный, каллиграфический почерк Фокса к последним страницам записей становился заметно неровнее, будто рука учёного мужа мало-помалу начинала предательски дрожать под тяжестью какого-то непостижимого, разрушительного открытия.

«3 января 1559 года. Фрагмент отчётливо реагирует. Символы смещаются сами собой, будто по собственной, независимой воле. Словно сердце давно разрушенной машины продолжает упрямо биться даже тогда, когда само её тело давно мертво...»

Томас медленно перевернул страницу. Дыхание на мгновение перехватило.

«9 января. Сегодня на бронзе отчётливо проступила дата. 1536-й. Я пока не понимаю до конца её истинного значения, но отчётливо ощущаю за ней тень огромного, невыразимого горя».

— Он подошёл слишком близко к правде, — прошептал Элдридж. — Он неосторожно коснулся старого шрама, который мы с таким трудом когда-то пытались залечить.

Самая последняя запись была сделана явно в спешке. Чернила заметно размазаны, пером местами глубоко процарапало саму бумагу насквозь:

«Вчера вечером приходил незнакомый человек. Расспрашивал о Хронографе. Если со мной вдруг что-нибудь случится... ищите того, кто носит этот знак...»

Запись обрывалась грязным, расплывшимся пятном. Рядом, на отдельном обрывке листка, чернел торопливый, но точный набросок: круг, безжалостно рассечённый тремя пересекающимися линиями. Узел, который, судя по всему, попросту невозможно развязать голыми руками.

Элис почувствовала, как по самому затылку пробежал ледяной, вовсе не связанный с погодой сквозняк.

— Этот знак... Томас, я отчётливо его помню. Те самые люди в подземельях Тауэра — верные подручные Малверна.

— Орден Очищения, — голос Элдриджа стал холодным, точно закалённая сталь клинка. — Те, кто искренне верил, что историю не следует бережно исправлять, а нужно просто выжигать дотла, без остатка. Но Малверн давно мёртв. Он навсегда остался там, в тысяча пятьсот тридцать пятом году.

— Значит, брошенные им когда-то семена всё же дали новые всходы, — Элис невольно обхватила себя руками за плечи, будто внезапно замёрзла.

В этот самый момент дверные петли жалобно, протяжно скрипнули. На пороге бесшумно возникла новая фигура.

Мужчина оказался молод, лет тридцати на вид, неприлично высок ростом и болезненно бледен. Светлые, почти бесцветные волосы, тонкие, будто выточенные резцом черты лица и дорогая, но нарочито лишённая всяких украшений одежда безошибочно выдавали в нём человека науки, а не праздного придворного. Он поклонился с безупречным, почти театральным изяществом, но в его глазах — цепких, внимательных и удивительно холодных — не читалось решительно никакого настоящего почтения.

— Простите мою невольную дерзость. Я вовсе не хотел бесцеремонно нарушать ваше... уединение.

Элис мгновенно, инстинктивно подобралась, ловким движением пряча раскрытый дневник в складках собственного плаща.

— Кто вы такой?

— Доктор Эдмунд Грей. Ассистент покойного мастера Фокса. По крайней мере, я имел честь им оставаться вплоть до сегодняшнего злополучного утра.

Элдридж медленно, без единого лишнего движения повернулся к нему, сложив руки за спиной в приличествующем моменту жесте.

— Вы находились здесь минувшим вечером, доктор Грей?

— Нет, сэр Томас, — ответил тот без малейшей запинки, без тени смущения. Голос его звучал ровно, точно гладь давно замёрзшего пруда. — Но мне доподлинно известно, что мастер кого-то настойчиво ожидал. Кого-то из самого ближнего круга нашей будущей королевы.

Грей сделал ещё один осторожный шаг внутрь комнаты, и дрожащий свет свечи резко подчеркнул острые, хищные скулы его лица. Он заметно понизил голос до почти заговорщицкого, интимного шёпота:

— Этот человек, я полагаю, до сих пор не покинул пределов дворца. И, боюсь, его интересуется вовсе не одно только кольцо, но и те немногие люди, что способны заставить его наконец заговорить.

Элдридж коротко, многозначительно переглянулся с застывшей рядом Элис. Настоящая игра, судя по всему, официально началась — и первый, весьма изящный ход в ней сделал человек, чьё имя до сих пор не значилось ровным счётом ни в одном придворном документе.

Глава IV. Знак на лацкане

Тишина в опустевшем кабинете покойного Фокса стала почти осязаемой, точно мельчайшая пыль, лениво танцующая в скудном свете январского утра. Доктор Эдмунд Грей неподвижно замер у притолоки, сцепив длинные, узловатые пальцы за спиной. В его подчёркнутой неподвижности не читалось ни капли настоящего страха — лишь выжидательная, почти хищная грация существа, старательно мимикрирующего под безобидную комнатную муху.

Сэр Томас Элдридж методично, будто разбирая очередной сомнительный документ, препарировал гостя одним лишь взглядом. Грей был несуразно, почти неприлично высок — его светловолосая голова маячила где-то у самого потолка, а узкие, покатые плечи придавали всей его фигуре сходство с готической опорной колонной. Лицо доктора напоминало посмертную маску, вырезанную из алебаstra: высокий, иссечённый тонкими синеватыми венами лоб и глаза — светло-серые, пугающе, неестественно спокойные. Такие глаза бывают лишь у опытных палачей или у настоящих святых — у тех немногих, кто уже давно заглянул за самый край и окончательно разучился удивляться чужой человеческой боли.

— Вы были тенью мастера Фокса? — первой нарушила гнетущее молчание Элис. Голос её прозвучал резко, разбивая вязкий вакуум комнаты вдребезги.

Грей медленно, будто через силу, повернул к ней голову.

— Последние три года я был его глазами, когда собственные глаза начинали ему изменять, — он неспешно подошёл к столу и кончиком пальца легонько коснулся латунной дуги

брошенной астролябии. Металл отозвался едва слышным, протяжным стоном. — Он терпеливо учил меня читать сложные узоры небес.

— И, судя по всему, заодно и узоры самого времени? — вставил Элдридж, незаметно сокращая разделявшую их дистанцию на полшага.

Грей позволил себе едва заметную тень улыбки — тонкую, точно единственный волос.

— Вы имеете в виду кольцо, сэр Томас?

Элис непроизвольно, до боли сжала кулаки в складках плаща.

— Вы знали о нём. И преспокойно промолчали, когда Сесил лично расспрашивал стражу?

— Знал ли я? — Грей неторопливо перевёл взгляд на длинную пергаментную полосу на стене, где даты змеиным клубком вились одна вокруг другой. — Мастер Фокс попросту бредил этой находкой. Он искренне полагал, что нашёл вовсе не случайный кусок старой бронзы, а самый настоящий ключ к великому Хронографу. Сердце древнего механизма, которое продолжает упрямо тикать даже будучи насильно вырванным из груди.

Элдридж почувствовал, как по затылку пополз колючий, неприятный холод.

— Он в самом деле произносил вслух это слово? «Хронограф»?

Грей неторопливо подошёл к самому окну. Туман над Темзой понемногу начинал рваться в клочья, обнажая грязную, свинцовую воду реки внизу.

— Вчера. Весь вечер он пребывал в настоящем иступлении. Кричал во весь голос, что нашёл ту самую точку невозврата. Признаться честно, я тогда списал это на обыкновенный старческий маразм... научную фантазию, изрядно подогретую крепким элем.

— Тогда почему же вы сами явились сюда в столь ранний, неурочный час, доктор? — Элдридж встал так, чтобы утренний свет из окна падал Грею прямо в лицо, не оставляя ни единой тени для манёвра.

— Услышал во дворце, что мастер отошёл в мир иной, — Грей равнодушно, почти лениво пожал костлявыми плечами, и его угловатая фигура на мгновение полностью заслонила собой скудный свет. — Хотел лично, собственными глазами убедиться, что кольцо бесследно исчезло. И, судя по вашим внезапно вытянувшимся лицам, я оказался совершенно прав в своей догадке.

Именно в эту секунду Элдридж заметил незначительную, на первый взгляд, деталь, которая заставила все его внутренности разом сжаться в тугой, ледяной узел. На чёрном сукне плаща доктора Грея тускло, почти неприметно поблёскивала небольшая серебряная булавка. Крошечная, легко ускользающая от невнимательного взгляда — но её форма... Круг, безжалостно рассечённый тремя ломаными линиями. Тот же самый знак из предсмертного дневника Фокса. Тот же самый неразрешимый узел из давних подземелий Тауэра.

— Любопытное у вас украшение, доктор, — как бы между делом обронил Томас, коротко указав подбородком на его лацкан.

Грей опустил глаза. Его тонкая улыбка стала заметно шире, обнажив мелкие, ровные зубы.

— О, вы про это? — он неторопливо снял булавку и повертел её в длинных пальцах, точно играя с пойманным насекомым. — Старинная эмблема одного... узкого научного братства. Общество изучения континуума, если угодно точное название. Мы не слишком жалуем лишний шум вокруг наших изысканий, сэр Томас. Мы предпочитаем незаметно наблюдать со стороны.

— Я никогда прежде не слышал о подобном обществе, — отрезал Элдридж.

— Разумеется, не слышали, — Грей невозмутимо приколол булавку обратно на прежнее место. — Ведь вы всю жизнь привыкли искать заговоры исключительно в чернильных завитках документов, а не в строгих законах естественной физики.

Дверь без всякого предупреждения резко распахнулась настежь. В комнату стремительно ворвался Уильям Сесил. Его аккуратно подстриженная рыжеватая борода казалась ещё ярче на фоне побледневшего, крайне напряжённого лица. Тяжёлая золотая цепь на его груди звонко звякнула о камзол, когда он резко, почти рывком остановился на пороге.

— Сэр Томас. Элис. Немедленно оставьте это, — голос Сесила был сухим, точно треск ломающейся сухой ветки. — Её Величество желает видеть вас обоих. Прямо сейчас, без промедления.

Элдридж заметно нахмурился.

— Именно сейчас? Но осмотр комнаты ещё далеко не закончен...

— Сейчас же! — Сесил бросил мимолётный, но полный нескрываемой неприязни взгляд в сторону доктора Грея. — Дело приняло крайне дурной оборот. Сегодня утром в королевской библиотеке обнаружили второе тело. Хранитель дворцовых архивов. И рядом с ним... — Сесил на мгновение замолчал, старательно подбирая слова помягче. — Тот же самый символ, но на этот раз нарисованный прямо кровью на деревянной полке.

Элис прикрыла рот ладонью, с трудом подавляя невольный, готовый вырваться вскрик ужаса.

Спустя всего несколько минут Элдридж и Элис уже стремительно шагали по бесконечным галереям Уайтхолла. Старые гобелены на стенах казались Томасу живыми, безмолвными свидетелями, чьи вышитые шёлком глаза настороженно следили за каждым их торопливым движением.

— Ты веришь Грейю хоть немного? — едва слышно шепнула Элис, с трудом поспевая за его широким, стремительным шагом.

— Я верю, что не он лично убил Фокса, — отозвался Элдридж, ничуть не сбавляя темпа.

— Тогда почему же он кажется тебе настолько опасным?

Томас на мгновение остановился перед дверью, обитой роскошным алым бархатом. У самого входа неподвижно замерли гвардейцы с начищенными алебардами наперевес.

— Потому что он слишком хорошо, слишком точно понимает, что именно мы ищем, Элис. Он вовсе не простой помощник покойного астронома. Он — зеркало, в котором совершенно ясно отражается всё наше общее, тщательно похороненное прошлое. И это конкретное зеркало нравится мне до крайности мало.

Дверь бесшумно отворилась.

Они вошли в просторный, залитый ровным светом зал. У самого камина, спиной к вошедшим, неподвижно стояла женщина. Тонкий, изящный силуэт, огненно-рыжие волосы, туго собранные в высокую, безупречную причёску, и платье, богато расшитое речным жемчугом, который в скупом утреннем свете напоминал застывшие капли чьих-то невыплаканных слёз.

Елизавета Первая медленно, с царственным достоинством повернулась к вошедшим. В её пристальном взгляде не было ни единой капли обычного человеческого страха — лишь ледяная, монаршая воля и тот самый фамильный, тюдоровский прищур, от одного вида которого у самых сильных, самых уверенных в себе мужчин непроизвольно подгибались колени.

— Сэр Томас, — произнесла она, и от звука этого низкого, властного голоса Элдридж разом вспомнил решительно всё: и далёкий эшафот, и слепящий голубой огонь давно разрушенного Хронографа. — Мне доносят, что вы умеете безошибочно останавливать само время. Мне срочно нужно, чтобы вы сделали это ещё раз, сэр Томас. Иначе моя собственная коронация рискует стать последним, самым горьким днём во всей истории Англии.

Глава V. Тюдорская кровь

Кабинет в восточном крыле Уайтхолла вовсе не оглушал гостя избыточной позолотой. Елизавета, в отличие от своего грозного отца Генриха, вовсе не нуждалась в громе пышных декораций, чтобы недвусмысленно заявить о собственном величии. Стены, туго затянутые тёмно-красным бархатом того самого оттенка, что бывает у давно свернувшейся крови, жадно

поглощали любые звуки, не давая им ни малейшего шанса на эхо. Гобелены с суровыми сюжетами из римской истории — строгие, непреклонные лики консулов и торжество оскорблённой Лукреции — безмолвно, но красноречиво напоминали каждому вошедшему: здесь безраздельно правит холодный разум, острый, точно хорошо заточенный стилет.

У жарко натопленного камина, в котором неистово, почти яростно плясало живое пламя, стояла она.

Элдридж на мгновение замер прямо на пороге. Он всё ещё отчётливо помнил её испуганной, робкой принцессой, чья жизнь висела на волоске при каждом новом капризе старшей, куда более жестокой сестры. Теперь же перед ним стояла совершенно другая женщина, чей истинный возраст — всего двадцать пять неполных лет — казался лишь досадной случайной цифрой в документе. Высокая, почти болезненно худая, она обладала той особой фарфоровой бледностью кожи, что резко подчёркивала огненный, будто нарочно вспыхнувший всполох её волос. Но главным во всём её облике оставались глаза — светлые, пронзительные, цвета зимней, ещё не остывшей стали. В них не читалось решительно никакой девичьей робости. В них ровно горела воля прирождённого хищника, слишком долго вынужденного прикидываться всего лишь чужой, беззащитной добычей.

Томас медленно опустился на одно колено. Холодный, до блеска натёртый паркет отозвался лёгким, почти музыкальным скрипом.

— Ваше Величество.

— Встаньте, сэр Томас. Этот пол слишком холоден даже для закалённых рыцарских коленей, — голос Елизаветы оказался чистым и вибрирующим, точно туго натянутая струна лютни. Она медленно обошла его кругом, тихо шурша тяжёлым белым шёлком платья, богато расшитого серебряной нитью. — Моя покойная сестра Мария крайне редко хвалила окружающих её людей, но о вас, сэр Томас, она неизменно отзывалась с искренним уважением. «Человек, который безошибочно читает правду между строк». Редчайший дар в мире, где решительно каждый второй придворный откровенно лжёт даже во время собственных молитв.

— Документы честнее живых людей, Ваше Величество. Они, по крайней мере, никогда не умеют краснеть от стыда, — ответил Элдридж, поднимаясь с колена.

Елизавета коротко, гортанно рассмеялась. Звук этот был начисто лишён какого-либо подлинного веселья. Она подошла к массивному рабочему столу, до самого края заваленному картами и срочной корреспонденцией.

— Этой ночью убили Лоренса Фокса. Моего личного астронома, — она резко, порывисто повернулась, и жемчуг на её груди гневно, тревожно блеснул в неровном свете камина. — Лорд Сесил полагает, что это лишь первые, самые ранние раскаты грядущей бури. А я лично полагаю, что кто-то весьма дерзкий пытается тайно украсть у Англии её законное завтра.

Элдридж сохранял на лице совершенную неподвижность профессиональной маски.

— Я склонен всецело согласиться с лордом Сесилом, мадам.

Королева сделала решительный шаг ему навстречу. Терпкий запах амбры и горьких целебных трав немедленно окутал Томаса плотным облаком.

— Скажите мне прямо, сэр Томас... — она понизила голос до опасного, интимного шёпота. — Что именно вам доподлинно известно о машинах, способных без всякого сожаления поворачивать само время вспять?

Элис, стоявшая чуть позади Элдриджа, едва слышно, судорожно охнула. Томас лишь слегка, почти незаметно сузил веки.

— Мне известно лишь то, что время — это своенравная река, в которую крайне опасно входить дважды подряд, мадам.

Елизавета невесело усмехнулась, но взгляд её при этом остался прежним, ледяным.

— Красивое, изящное уклонение от прямого ответа. Но, боюсь, одни лишь поэтические метафоры нам сегодня не помогут.

Она резко бросила на стол небольшой предмет. Тот тяжело, глухо ударился о полированное дерево.

Кольцо. Бронзовое. Точный, неотличимый близнец того самого, что так пристально изучал покойный Фокс.

— Найдено в библиотеке, зажатым в мёртвой ладони моего личного секретаря, — отчеканила королева безо всякого выражения. — Он вовсе не был учёным мужем. Он был всего лишь хранителем моих самых сокровенных, самых доверительных писем.

Элдридж осторожно взял кольцо в руки. Металл обжёг пальцы неожиданным холодом, но стоило ему повернуть находку строго против часовой стрелки, как символы на потемневшей поверхности тут же пришли в судорожное движение. Тонкий, едва уловимый человеческим слухом ультразвуковой писк — предсмертный, угасающий стон древнего механизма — на мгновение заполнил собой всю комнату.

— Это фрагмент устройства, мадам. «Деталь Хронографа», — тихо, почти обречённо произнёс Томас. — Машины, которую я самолично считал навеки похороненной ещё в тысяча пятьсот тридцать шестом году.

— Похороненной? — Елизавета резко вскинула тонкую бровь. Её лицо на мгновение исказилось в той самой яростной, узнаваемой всеми гримасе Тюдоров. — Значит, вы копали чужую могилу крайне небрежно, сэр Томас. Потому что сегодня утром мне принесли уже третье по счёту кольцо. Оно некогда принадлежало человеку из моей личной свиты, скончавшемуся ровно два года назад. Его... — она сделала многозначительную паузу, и в её глазах вспыхнуло настоящее, яростное пламя, — извлекли прямиком из его собственной, давно закрытой могилы.

Элис побледнела настолько, что сама стала похожа на бесплотный призрак. Осквернители могил. Орден Очищения, судя по всему, не просто выискивал уцелевшие кольца по чужим сундукам — они методично, безжалостно вырывали их прямо из мёртвого прошлого, тревожа даже могильный покой.

— Значит, кто-то целенаправленно восстанавливает всю машину заново, деталь за деталью, — вслух констатировал Элдридж очевидное.

Елизавета подошла к нему почти вплотную. Теперь он отчётливо различал мелкие, едва заметные веснушки на переносице королевы и явственно чувствовал исходящий от неё почти физический жар сдерживаемого гнева.

— И я непременно хочу знать — кто именно за этим стоит. Причём узнать до того, как архиепископ торжественно возложит на мою голову корону самого святого Эдуарда.

— Почему именно сейчас, Ваше Величество? — спросил Элдридж. — Откуда такая крайняя, всепоглощающая спешка?

Королева вновь небрежно положила кольцо обратно на стол. На его тёмной поверхности, прямо под случайным бликом свечи, ярко, отчётливо загорелась вновь проступившая дата. **«15 января».**

— Дата моей собственной коронации, — едва слышно прошептала Елизавета, и в этом коротком шёпоте угрозы было заметно больше, чем в ином истошном крике. — Кто-то с пугающей точностью вычислил, что этот конкретный день — переломный, узловый момент всей нашей общей истории. И они намерены безжалостно вырвать этот день из самого календаря мироздания. Они искренне хотят, чтобы я никогда, ни при каких обстоятельствах не стала законной королевой Англии.

Она впилась немигающим взглядом прямо в лицо Элдриджа.

— Отыщите их, сэр Томас. Отыщите и без всякой жалости уничтожьте. Иначе шестнадцатого января Англия неминуемо проснётся уже в совсем другом, чужом мире — том, где рода Тюдоров попросту никогда не существовало. А я сама... — она горько, почти обречённо

улыбнулась одними уголками губ, — стану всего лишь очередной безымянной тенью в сырых подземельях Тауэра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.